

17124

Е

340
Г48

Высшая

АДМИНИСТРАЦІЯ РОССІИ XVIII СТ.

и

ГЕНЕРАЛЬ-ПРОКУРОРЫ.

Соч. А. Градовскаго.

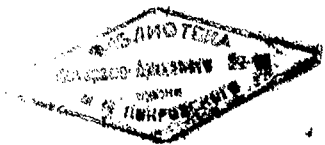
«Хорошее усмотрение есть идеальное сопоставление фактов и их воспроизведение в умѣ въ порядкѣ ихъ действительной послѣдовательности.»

Г. Г. Льюисъ.

55502

1477-3-72

С.Петербургъ.

Типографія Ивана Вочкарева, Мойка № 26.
1866.

Печатать позволяется по опредѣленію юридическаго факультета Императорскаго С.Петербургскаго Университета. Сентября 4-го дня 1866 года.

Деканъ *Иматій Ивановскій.*

Оглавление.

	Стр.
Введение	V — XVI
I. Материалы для реформы Петра I	1
II. Первое время реформъ	70
III. Довершение преобразований и генералъ-прокуроръ.	108
IV. Верховный тайный совѣтъ и кабинетъ	136
V. Возстановленіе сената и ген.-прок. до реформъ Екатерины II.	166
VI. Эпоха реформъ, до учрежденія министерствъ.	200
VII. Учрежденіе министерствъ. Заключение	264
VIII. Положенія	285

Введение.

Подъ именемъ реформы Петра I въ нашей юридической и исторической литературѣ разумѣется та эпоха, когда самодержавный преобразователь принялъ рѣшительное намѣреніе ввести Россію въ сферу Европейскихъ государствъ и для того рѣшился дать ей Европейское образованіе и организацію. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ ничего легче, какъ написать изслѣдованіе объ учрежденіяхъ XVIII ст. Стоитъ только сказать что старая Россія отжила свое, что она представляла реформатору инертную и безобразную массу, что духъ, форма, жизнь нашихъ учреждений даны намъ Западомъ, при помощи сильной руки Великаго Петра и что должно, слѣдовательно, ограничиться изученіемъ одной мысли законодателя, какъ она выразилась въ его уставахъ. Какъ ни заманчива такая программа сочиненія, такой ученый приѣмъ, но врядъ ли они соответствуютъ идеѣ истиннаго историко-юридическаго труда. Объявляя что старая Россія осталась не причѣмъ во всей исторіи XVIII вѣка и во всей реформѣ Петра, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя возможности прослѣдить связь нашихъ учреждений, нашей современной администраціи съ административною жизнью Москвы, а между тѣмъ только этимъ путемъ можно рѣшить вопросъ, на сколько въ самомъ дѣлѣ Петръ отрѣшился отъ старой Россіи. Далѣе, въ исторической жизни учреждений, оставшихся послѣ него происходило много явленій, которые навсегда останутся непонятными, если изслѣдователь не увидитъ въ нихъ яркихъ проблесковъ началъ стараго управленія. Гдѣ начинается и гдѣ кон-

чается старая Россія? гдѣ иностранныя начала, образовавшія наше отечество, и гдѣ старыя понятія, уступившія имъ мѣсто? Почему нѣкоторые учрежденія преобразователя исчезли при немъ, хотя они крѣпко лежали въ основѣ государственной жизни другихъ народовъ, между тѣмъ какъ другія нововведенія, скопированныя съ совершенно случайныхъ явленій шведскихъ государственныхъ учреждений, остались у насъ на долго? Не значитъ ли это что одни попали на дѣйствительно живую сторону нашей народной жизни, что подъ чуждыми формами и названіями продолжало жить и развиваться что то, давно пустившее у насъ корни, хотя въ грубой формѣ. Всѣ эти вопросы невольнo представились мнѣ, когда я началъ изучать XVIII ст., наполненное дѣятельностію такихъ двухъ законодателей, какъ Петръ и Екатерина II. Часто, рассматривая дѣятельность, повидимому, совершенно новыхъ учреждений, я наталкивался на такія начала, которые говорили мнѣ о совершенно другой эпохѣ и отъ мысли законодателя, на первый взглядъ заключенной въ иностранную форму, переносили наблюдателя въ самый центръ народной жизни, съ его вѣковыми убѣжденіями и предразсудками; изъ подъ института, прикрытаго какимъ нибудь иностраннымъ именемъ, вдругъ ключемъ пробивалась административная жизнь цѣлой минувшей эпохи. Это обстоятельство заставило меня не только искать въ XVIII столѣтіи зародыши современныхъ учреждений, но и слѣдить за судьбою старорусскихъ началъ въ чуждыхъ, по видимому, для насъ учрежденіяхъ. И, странное дѣло! Вымирали и исчезали разныя учрежденія, съ ихъ иностранными формами и именами, а элементы нашей старой общественности неуклонно идутъ, развиваются, тѣсно примыкаютъ къ важнѣйшимъ изъ переживаемыхъ нами реформъ. Сначала я думалъ изучить администрацію Россіи въ теченіи всего этого столѣтія, но подобный трудъ оказался слишкомъ обширнымъ. Тогда я началъ искать между массой институтовъ такой, которымъ бы характеризовалось вся система тогдашней администра-

цій и невольно остановился на любопытномъ учрежденіи генераль-прокуроровъ. Огромное значеніе этой должности для всей администраціи XVIII вѣка, связь ея съ важнѣйшими учрежденіями этой эпохи и особенно съ правительствующимъ сенатомъ, довѣріе къ нимъ нашихъ лучшихъ монарховъ, достаточно объясняютъ этотъ выборъ; конечно, и здѣсь я не думалъ написать что нибудь законченное, истинно ученое. Собрать матеріалы, имѣющіяся пока подъ руками, расположить ихъ въ извѣстномъ порядкѣ, осмыслить нѣкоторыми обобщеніями — вотъ все, что составляло цѣль настоящаго труда. Она будетъ достигнута, если вызоветь нѣсколько новыхъ матеріаловъ, въ массѣ лежащихъ напр. старомъ архивѣ государственныхъ дѣлъ, гдѣ находится вся переписка генераль-прокуроровъ, и особенно нѣсколько болѣе полныхъ изслѣдованій по этому любопытному вопросу. Я чувствовалъ недостаточность матеріаловъ и недостатки научной разработки многихъ учреждений XVIII вѣка. Быть можетъ и эта неясность и этотъ недостатокъ матеріаловъ ярко выступаютъ въ моемъ разсужденіи, но вопросъ казался мнѣ слишкомъ любопытнымъ и я рѣшился изучить его съ тѣми средствами, какія нашелъ подъ руками, по словамъ великаго оратора: *quoniam non potest id fieri quod vis, id velis quod possis*. Теперь же я позволю себѣ остановиться нѣсколько на приѣмахъ, которыми я намѣренъ слѣдовать въ моемъ трудѣ.

Ученому въ западной Еврпѣ не составляетъ особеннаго труда ограничить предметъ своего изслѣдованія тѣми предѣлами, которыя, въ строгомъ смыслѣ, нужны для его обыкновенно спеціальнаго, изслѣдованія. Это понятно; какъ ни говорятъ о хаосѣ, царствующемъ будто бы въ области государственныхъ наукъ, но смѣло можно сказать, что ни одинъ, сколько нибудь важный вопросъ не остался въ сторонѣ отъ пытливаго изслѣдованія не одного, а нѣсколькихъ ученыхъ. Смыслъ cadaго института по отношенію къ другимъ учрежденіямъ выясненъ на столько, что изслѣдователю, взявшему его предметомъ своего разсужденія, не

зачѣмъ вторгаться въ чуждые ему вопросы. Далѣе, общая система права дѣйствующаго и историческаго разъяснены наукою настолько, что государствовѣду, говорящему о самыхъ спеціальныхъ вопросахъ, не зачѣмъ углубляться въ разъясненіе другихъ, связанныхъ съ нимъ вопросовъ: ихъ уже разработали другіе; для него достаточно ограничиться намекомъ на два три начала, двѣ три теоріи, давно ставшія достояніемъ науки. Совершенно другое представляетъ наша государственная наука. Если изслѣдователь, а особенно начинающій, возьметъ какое нибудь учрежденіе — онъ будетъ поставленъ въ затруднительное положеніе. Онъ не сомнѣвается что учрежденіе это тѣсно связано съ другими, что они вмѣстѣ служили одной государственной цѣли, что оно продуктъ одной и той же мысли въ ея послѣдовательномъ развитіи — но какъ найти эту связь, какъ показать соотношеніе этихъ учреждений, когда сама наука не отвела еще каждому изъ нихъ надлежащаго мѣста въ общей системѣ законодательства? Какъ говорить о генераль-прокурорахъ, когда государственное право не разъяснило еще какъ слѣдуетъ, ни вопроса о коллегіяхъ, ни системы надзора по русскому праву вообще, ни самаго вопроса о сенатѣ, да и самая реформа Петра не совсѣмъ ясно представляется уму учащихъ и ученыхъ. Русскому историку-юристу нельзя ограничиться одною подробностію административной картины; она еще такъ слабо и часто такъ невѣрно представляется уму читателя, что вмѣстѣ съ вѣроятно яркою подробностію, долженъ являться хотя слабый очеркъ всего зданія нашей администраціи, иначе роль и смыслъ этой подробности, этого отдѣльнаго института, отношеніе его къ другимъ частямъ государственнаго механизма, навсегда останутся непонятными. На этомъ основаніи, избирая совершенно спеціальныи предметъ для моего изслѣдованія, я невольно долженъ войти въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ вопросовъ, которые, въ сущности, имѣютъ лишь отдаленную связь съ учрежденіемъ генераль-прокуроровъ, и, въ тоже время, представить небольшую характеристику всей административной реформы Петра Великаго.

По отношенію къ самой должности генераль-прокурора это необходимо было сдѣлать еще по другому обстоятельству. Должности этой суждено было играть громадную, можно сказать, первенствующую роль въ администраціи XVIII стол. Каждая часть государственнаго механизма чувствовала на себѣ его неотразимое вліяніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя назвать генераль-прокурора отдѣльною, самобытною должностію. Стоить только вспомнить, что имъ пришлось дѣйствовать именно въ ту эпоху, когда правительство наше сознало превосходство коллегіальнаго начала предъ всѣми другими; послѣднія 12-ть лѣтъ преобразований Петра направлены къ тому, что бы провести это начало сверху и снизу — насквозь. Слѣдовательно, личное, приказное начало, представителемъ котораго является генераль-прокуроръ, не могло имѣть особеннаго значенія среди прочно поставленныхъ коллегіальныхъ учреждений. Онъ самъ былъ прикрѣпленъ къ вѣщцу петровскихъ идей, къ сенату, высшему правительственному мѣсту Россіи. Если вліяніе генераль-прокуроровъ несомнѣнно, то съ другой стороны несомнѣнно и то, что оно должно было выражаться черезъ сенатъ. Судьба ихъ тѣсно связана. Сила сената въ тоже время могущество генераль-прокурора; паденіе генераль-прокурора несомнѣнно указываетъ на упадокъ власти сената. Причины этого явленія разъяснены въ разсужденіи, но теперь достаточно указать на этотъ фактъ въ доказательство того, что, независимо отъ вышеизложенныхъ причинъ, — учрежденіе генераль-прокуроровъ можетъ быть понято только въ связи съ учрежденіемъ сената.

Если нѣтъ, такимъ образомъ, возможности отдѣлать рѣзко одно учрежденіе отъ другаго¹⁾ не подлежитъ сомнѣнію и то, что расположеніе историческаго матеріала, дѣле-

¹⁾ По крайней мѣрѣ при настоящемъ положеніи науки русскаго государственнаго права: можетъ быть въ послѣдствіи большее обиліе матеріаловъ и большее количество ученыхъ изслѣдованій и дадутъ возможность изслѣдовать одно учрежденіе безъ другаго.

ніе предполагаемой исторіи на періоды, должно произойти на основаніи тѣхъ исходныхъ точекъ, которыя составляютъ эпоху въ общей исторіи русскаго законодательства.

Каждому знакомы эти эпохи; каждый, излагая ходъ нашихъ реформъ, останавливается на именахъ Петра I и Екатерины II. Имѣютъ ли эти двѣ поворотныя точки нашей политической исторіи такое же значеніе и для излагаемаго нами предмета?

Вся исторія русскаго государственнаго устройства отъ Петра I до императора Александра II, съ котораго, по справедливости должно начать совершенно новую эпоху, распадается на три періода, по числу различныхъ системъ управленія, смѣнявшихъ одну другую, подъ вліяніемъ разнообразнаго наплыва иностранныхъ идей и дѣйствительныхъ потребностей народной жизни. 1) Строго централизационная система Петра I, съ его приписными губерніями, приписными сословіями, сосредоточеніемъ въ каждомъ вѣдомствѣ власти исполнительной, судебной и отчасти законодательной, широкою дѣятельностію государства для государства 2) смѣняется законодательствомъ Екатерины, съ ея губерніями, куда мало по малу переносится государственная жизнь, съ постепеннымъ освобожденіемъ сословій, господствомъ теоріи раздѣленія властей, принявшей у насъ такую своеобразную форму, для того чтобы, въ свою очередь, 3) уступить предъ наплывомъ французскихъ идей и учрежденіями временъ Наполеона I.

Всматриваясь въ этотъ ходъ постепеннаго преобразованія нашей администраціи съ одной, и судьбу генераль-прокуроровъ съ сенатомъ съ другой стороны, нельзя не прійти къ тому заключенію, что каждая изъ этихъ эпохъ имѣла значительное вліяніе на роль и самую форму этихъ учрежденій. Въ самомъ дѣлѣ, должно существовать огромное различіе между генераль-прокуроромъ временъ управительнаго сената, когда собраніе это являлось средоточіемъ суда, администраціи, законодательной дѣятельности, затѣмъ тою эпохою, когда, подъ вліяніемъ принципа раз-

дѣленія властей, началась эманципация суда отъ администраціи, отъ законодательныхъ мѣстъ, когда самый сенатъ начинаетъ выдѣляться какъ чисто судебное мѣсто, а генераль-прокурору, для сохраненія своего прежняго вліянія, не оставалось ничего больше, какъ соединять въ своемъ лицѣ наибольшее количество приказныхъ должностей, значеніе которыхъ уже тогда подготавливаетъ эпоху Александра I. Наконецъ, что должно было произойти съ этою должностію, когда все высшее управленіе распалось на вѣдомства, сгруппированныя по роду дѣлъ? Не выдѣлится-ли генераль-прокуроръ, только какъ представитель сената, ставшаго суднымъ мѣстомъ, т. е. какъ министръ юстиціи? Дальнѣйшее изложеніе, надѣюсь, еще больше утвердитъ эту связь между историческимъ развитіемъ должности генераль-прокурора и тремя важнѣйшими эпохами нашего законодательства, до Императора Александра II. Въ настоящее же время, сказаннаго достаточно для объясненія, почему въ трудѣ нашемъ историческій матеріалъ расположенъ по этимъ рубрикамъ. Затѣмъ остаются тѣ частныя измѣненія, колебанія, невносившія новыхъ началъ, но дававшія просторъ представителямъ старыхъ, только что побѣжденныхъ принциповъ, или дававшія перевѣсъ одному элементу надъ другимъ, въ ущербъ порядку и справедливости. Таковы времена Петра II, Анны, правительницы Анны Леопольдовны, Петра III. Борьба военного элемента съ гражданскимъ, старыхъ русскихъ началъ съ новыми, внесенными Петромъ I, коллегіальнаго управленія съ единоличнымъ, лицъ съ мѣстами, закона съ благосклонностію — все это не осталось безъ вліянія, весьма замѣтнаго, на судьбу сената, во всей его совокупности. Изученіе подобныхъ минутъ въ исторіи представляетъ высокій интересъ. Если въ учрежденіяхъ Петра, Екатерины II, Александра I, мы останавливаемся предъ строгою системою, глубиной и единствомъ мыслей, эпохи Анны и Вирона открываютъ намъ жизнь этихъ глубокообдуманныхъ учреждений, когда могу-

щественная рука, вводившая и охранявшая ихъ, устранена, и различнымъ элементамъ едва сложившейся общественности предоставленъ широкій просторъ, когда лица и мѣста дѣлать добычу, стараются захватить долю власти, оставшейся безъ употребленія послѣ великихъ законодателей и стремятся повалить то, что при нихъ было слишкомъ, по ихъ мнѣнію, прочно и сильно. Конечно, эти эпохи не представляютъ ничего самостоятельнаго. Общество, выходя изъ нихъ, не приобретаетъ ничего, кромѣ горькаго опыта, который, къ тому же, иногда оказывается бесполезнымъ и потери силъ, которыхъ часто не умѣетъ возратить. Оно или спѣшитъ возвратиться къ старымъ, утраченнымъ учрежденіямъ, какъ послѣ смерти Анны Ивановны и паденія Миниха, или стремится къ реформамъ, какъ при воцареніи Александра I. Нѣтъ великаго начала характеризующаго такое время. Нѣтъ тамъ ни наказа, ни учрежденія о губерніяхъ, ни генеральнаго регламента, ни многочисленныхъ указовъ объ организаціи сената, ни учрежденія министерствъ, нѣтъ ничего, внесеннаго въ жизнь новою дѣятельностію. Одно, что останавливаетъ на себѣ вниманіе, это наслѣдіе стараго общества, не установившіеся элементы новаго, все это безъ всякой особенной связи, все это въ борьбѣ нестройной, въ борьбѣ на удачу; такъ, подлѣ эпохи Петра I, группируется время Екатерины I и Петра II, такъ и дышащее семибоярщиной стараго времени; время Анны, когда роль бояръ выпала на долю иностранныхъ любимцевъ, время правительницы, когда надъ всѣмъ возвышается и во всемъ выражается дѣятельность фельд-маршала Миниха. Судьба учреждений въ такіа времена чрезвычайно любопытна; если не мысль законодателя, то общество, самые государственные люди со всѣми ихъ страстями и слабостями, даютъ изслѣдователю богатый матеріалъ, служатъ орудіемъ для лучшей критики устойчивости тѣхъ учреждений, которыя юристъ только что имѣлъ случай изучить въ законодательномъ актѣ минувшей эпохи.

Таковы, слѣдовательно, пункты на которыхъ необходимо

?

4

будетъ остановиться при изученіи должности генераль-прокуроровъ, въ ея историческомъ развитіи. Время Петра I, когда въ законодательствѣ выяснилось значеніе, а подъ вліяніемъ перваго генераль-прокурора сложился типъ этой должности. Царствованіе Елисаветы Петровны, когда сенату и генераль-прокурору, въ теченіи довольно долгаго періода времени, дана была возможность дѣйствовать по мысли великаго законодателя; реформы Екатерины II, когда начинаетъ выдѣляться значеніе генераль-прокурора, какъ могущественнаго органа исполнительной власти и начинается постепенное отпаданіе его отъ сената, приобретающаго мало по малу значеніе преимущественно судебного мѣста. Учрежденія Александра I, когда, съ введеніемъ министерствъ, падаетъ значеніе генераль-прокуроровъ и они превращаются въ министровъ юстиціи, сохраняя лишь слабый оттѣнокъ ихъ прежняго преобладающаго значенія. Этимъ моментомъ и должно окончиться настоящее разсужденіе; съ учрежденіемъ министерствъ, русская администрація перешла на совершенно другую почву, развивается на другихъ началахъ, гдѣ не было уже мѣста истинному представителю прошедшей эпохи—генераль-прокурору; 1810 г., т. е. время изданія втораго учрежденія министерствъ, есть послѣдній предѣлъ паденія этой должности, послѣ котораго она уже не является съ прежнимъ значеніемъ.

Между этими главными моментами лежатъ краткіе промежутки времени, когда учрежденіе это получило нѣсколько иной характеръ. Обойти ихъ нѣтъ возможности, какъ ни мало имѣютъ они, на первый взглядъ, связи съ должностію генераль-прокуроровъ. Напримѣръ извѣстно, что было время, когда они фактически не существовали и это продолжалось довольно долго — именно съ 1726—1730 и потомъ съ 1731—1741, слѣдовательно, почти 15-ть лѣтъ. Но, не понявши смысла этой эпохи, не зная ея подробностей и тайныхъ пружинъ, нельзя понять, какъ слѣдуетъ, роли этихъ блюстителей закона, ни причинъ,

Учрежденіе

1726

почему они не были уничтожены въ совершенно аналогическихъ обстоятельствахъ, напр. въ царствованіе императора Павла. На этомъ основаніи, я намѣренъ разсмотрѣть и эпоху, не знавшую генералъ-прокуроровъ. Правда ихъ небыло, но оставался сенатъ и картина сената, лишеннаго своего представителя, можетъ послужить къ разъясненію того, что такое былъ самъ этотъ представитель, какія начала воплощались въ этой важной должности. Такой отрицательный путь весьма полезенъ въ наукѣ русскаго государственнаго права, гдѣ прямое и положительное толкованіе догмы законодательства представляетъ многія важныя неудобства, по причинѣ полной необработанности относящихся сюда матеріаловъ.

Матеріалы эти, кромѣ своей необработанности, поражаютъ еще своею скудностію. Масса документовъ, которые могли бы пролить яркій свѣтъ на роль и дѣятельность изучаемаго нами учрежденія, лежатъ еще въ архивахъ, нуждаются въ собираніяхъ опытныхъ и, во всякомъ случаѣ, болѣе разборчивыхъ, чѣмъ г. Ивановъ, который въ своихъ біографіяхъ генералъ-прокуроровъ ¹⁾, обладая массой драгоценныхъ, не изданныхъ матеріаловъ, выпустилъ въ свѣтъ только тѣ, которые безъ того извѣстны всѣмъ, по полному собранію законовъ.

Главнѣйшіе источники, которыми я пользовался для настоящаго труда, конечно заключались въ полномъ собраніи законовъ. Имѣя въ виду представить изданные матеріалы въ систематической формѣ и съ нѣкоторой критической оцѣнкой, я невольно долженъ былъ прежде всего остановиться на томъ что уже есть. А есть у насъ, благодаря дѣятельности почтенныхъ московскихъ издателей, многіе, весьма драгоценные документы. Такъ, напр., чтеніе любителей исторіи и др. Рос. заключаютъ въ себѣ такія вещи, какъ протоколы верховнаго тайнаго совѣта, секретнѣйшее наставленіе князю Вяземскому, записка объ Арте-

¹⁾ Журналъ Мин. Юст. 1863 и 1864 г.

мии Волынскомъ, нѣсколько записокъ о должности сената, представленныхъ Императору Александру I, записки Храповицкаго и т. д. Затѣмъ, Русскій Архивъ заключаетъ въ себѣ множество матеріаловъ, относящихся до царствованія Императора Петра I и Екатерины II. Архивъ г. Калачева познакомилъ насъ со взглядами на русскую администрацію такихъ дѣятелей какъ графъ Сперанскій ¹⁾. Кромѣ этихъ изданій, я пользовался еще слѣдующими матеріалами:

Голицева, «Дѣянія Петра Великаго», изд. 1785 г., Гатемейстера, «О Законахъ Петра I.», пом. въ жур. М. Н. П., за 1836 г., Миниха, «Ebauche pour donner une idée du gouvernement de l'Empire de la Russie», Copenhag. 1770 г. Весьма любопытный документъ, хотя требуетъ большой осторожности при пользованіи. Магазинъ Бюшинга XXII тома. Дневникъ Каммеръ-Юнкера Берхгольца, перев. г. Аммона. Наука и Литература при Петрѣ I, г. Пекарскаго. Leibnitz und Peter der Grosse, von Posselt, Г. Туманскаго «Записки, относящіяся до царствованія Петра I». Peter von Haven «Reise in Russland». Устрялова «Исторія Петра I» Вейдемейера «Дворъ и замѣчательные люди во 2-й половинѣ XVIII стол.» Письма Леди Рондо. Chantreau «Voyage philosophique, politique et littéraire, fait en Russie pendant les années 1788 et 1789». W. Coxe «Reise durch Polen, Russland, etc. 1785 г. нѣм. изд. La Matthey «Voyages». Къ Россіи относится т. II-й. «Reisen und merkwürdige Nachrichten zweier Neufranken», напечат. по нѣм. въ 1797 г. Путешествіе Marchall'я въ 1768, 1769 и 1770 г. Путеш. Dechiseaux въ 1727 г. Записки Статсъ-Секретарей Грибовскаго и Храповицкаго о Екатеринѣ II. Жизнь на Шаховскаго, соч. Радищева. Маркизъ де-ла-Шетарди, соч. академика Пекарскаго. Другіе источники будутъ указаны въ самомъ разсужденіи.

Къ числу этихъ сырыхъ матеріаловъ, къ сожалѣнію,

¹⁾ См. статью о госуд. установленіяхъ, пом. въ Архивѣ, за 1859 г., кн. 3.

мало можно прибавить законченных трудовъ по русскому праву. Хотя есть нѣсколько монографій, но они или относятся болѣе къ мѣстному управленію — таковы областныя учрежденія Россіи XVII в. г. Чичерина, о намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ, г. Андреевскаго, «Губернія», г. Лохвицкаго; или затрогиваютъ одну лишь сторону высшей администраціи, именно судъ, и то до учрежденія о губерніяхъ, какъ «исторія судебныхъ инстанцій», г. Дмитріева и основныя начала Русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства г. Кавелина, или, наконецъ, останавливаются на эпохѣ Петра I, какъ сочиненіе г. Неволина «объ образованіи управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго», пом. въ 6-мъ томѣ его сочиненій. Конечно, всѣ названныя сочиненія разъясняютъ много частныхъ вопросовъ, особенно когда дѣло идетъ о временахъ, не знавшихъ рѣзкаго отличія мѣстной отъ центральной власти. Но затѣмъ вопросъ о центральныхъ учрежденіяхъ Россіи въ теченіи XVIII ст., во всей его совокупности, все еще ждетъ изслѣдователей. Поле обширное, матеріалы нетронуты, вопросы не разъяснены....

